

Денис Прохор

**Шервудский лес,
ты полон чудес**

рассказ спецназера

Денис Викторович Прохор Шервурдский лес, ты полон чудес. Рассказ спецназера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69366601

SelfPub; 2023

Аннотация

Обычный антидиверсионный рейд отряда спецназа оборачивается трудным выбором. Нравственным и вечным выбором.

Денис Прохор

Шервурдский лес, ты полон чудес. Рассказ спецназера

Некоторые до сих пор или прикалываются или по службе. Делают такие высокоморальные кирпичи на засиженных суетой сует лицах: «Да оно вам надо? Да зачем полезли? Что это такое вы там на Украине специально оперируете?» Отвечаю «спящим» и не проспавшимся. Америка, нефть, газ, ядерку расчехлили. Это все, конечно, вкусно. Но точка! Не за это наша 11-я отдельная гвардейская Прикарпатско-Берлинская орденов Суворова и Невского десантно-штурмовая горла вражьи рвет. Мушиный вопрос для в/ч 123321. Мы не с НАТО или Таносом, мы с последними днями боремся. В конец света ракетами и бомбами высокоточно и не очень стреляем. На дальних подступах пытаемся убить смысловую, мировоззренческую гадину. Вот я сейчас расскажу, что здесь на самом деле на Донбассе творится. Это даже не ад. Это Великая Муть. В ней все утонут. Рай, Ад, святые, грешники. Бульк и от полюса до полюса зеленая грязная жижа. На веки вечные. И даже их не будет. Ни веков, ни вечных. Вселенский морок и тлен. Это, можно сказать, эпитафия. Чтобы не

только читалось, но и думалось. Теперь расскажу, что своими глазами видел и после чего окончательно, до капельки, уверовал в Красную Армию. Неумолимую и справедливую десницу Господа нашего. И вашего, кстати, тоже.

В бывших половецких степях есть зеленый массив. Между Изюмом и Славянском. Местные называли его Шервудский лес. Не тайга, конечно. Природный, естественный промысел. Работа ручная, но добротная. Made in USSR. Лес дубовый, прохладный и светлый. Обжитой и не дикий. Много дорог и тропинок. Где-нибудь кемпинг, турбаза или пионерлагерь заброшенный. Отличное место для мира, а для войны тем более. Если обороняешься вообще красота. Берешь, допустим, какой-нибудь пансионат, убитый наглухо в «незалежные» годы. Главное, чтобы недалеко от перекрестья дорог. В пустые окна мешки с песком под пулеметные гнезда. Если зданий несколько между ними траншеи для связи. Подвалы бетонные, чтобы обстрел пережить. Бонусом защищенный отход. Не по голому полю наперегонки с русскими минами, а по густому и сокровенному лесу на новую подготовленную позицию. При таких вводных, подловить накоротке беззащитную тыловую колонну с топливом и снарягой – милое дело, пока шериф не в теме. В пансионате «Лесная Сказка», почему-то задержавшемся на этом свете дольше чем шахта его построившая, засела очередная шайка преборзейших разбойников в пиксельной униформе «тактик». Хрустели «Паляницей», пристреливали «Вояр», распевали, чтобы

не протрезветь «Батько наш Бандера» и мрияли о желто-голубом Кремле. Думали, что самые умные и красивые. Не понимали, глупыши, что на войне это вообще не важно. На войне думай о войне, живи войной, мечтай о войне и да пребудет с тобой мир внутри и снаружи. Этих гегемоньшей мы на рассвете упокоили. Еще утренний кофе из британских сухпайков не остыл. Такая гадость. Будь ты проклят «Coffey-moffey Company, Leister, Park Avenue, UK», чтобы я еще хоть раз оскоромился!

Сделали мы их ловко. Мониторили один кривой проселок. Тихий такой, незаметный. Самое оно, чтобы танки провести через лес на нулевой рубеж. Танков не дождались. Оказалось к лучшему. Вместо них ЗИЛ гражданский появился. Синяя кабина. Сзади красная бочка с длинным шлангом. Я, Штырь, Чума с лежек даже привстали. Переглянулись, оставив оружие в сторону.

– Ассенизаторка? – спросил я.

– Она самая. Говновозка. – подтвердил Чума и удивился. – Какого ляда?

Зато Николаич, наш старший, сразу просек.

– Неспроста это, мужики. Ой, неспроста. Давайте-ка, собираемся и за ней. За нечестивой колесницей.

ЗИЛ по проселку качался, а мы за ним между деревьями. Потом дорога с асфальтом началась, между ямами, и этот пансионат. Мы «кикиморы» поправили и через дорогу залегли. Я оптику на снайперке глянул. Вижу, ассенизаторка

во двор заехала. Остановилась у входа с разбитыми ступеньками и джунглями из борщевика на бетонном козырьке. Водитель – пожилой, куркулистый в гражданских шлепках и труханах с пальмами выбрался из кабины. Залез на бочку и открыл люк.

– Полезли дефекативные. – кивнул довольно Николаич.

– 1,2,3... – считал Чума.

Из бочки общим числом вышло 8 единиц живой силы противника. Также ящики БК и непередаваемый амбрэ. Я прям на расстоянии его прочувствовал. Достаточно было на рожу водилы полюбопытствовать. Как его от продуктов жизнедеятельности собственной страны корежило. Любо-дорого.

– Ох и кубло осиное. – отозвался Чума. – Да это у них ротация такая! Все через...

– Тихо. – предупредил Николаич. – Плохое слово – плохая карма. Плохая карма – плохая война.

– Согласен. – ответил Чума.

– Наблюдаем. – сказал Николаич.

Мы пронаблюдали как в красную бочку забралась убывающая смена. 10 человек. Водила задраил люк. Перекрестил бочку и немного себя. ЗИЛ потолкался по двору и съехал прочь. Сизого дыма не оставил.

– Ну, что, гвардейцы? – Николаич повернулся к нам и зевнул вдохновляюще.

– Теперь думать давайте. Как врагу бобо сделать.

Думали-рядили. Мнения шли в разлет. От атаки в лоб, а значит сначала в свой собственный. До огневого вала бригады «Солнцепеков». В конце-концов все равно вышло гениально. Просто вертушка отработала нурсами и пансионат «Лесная Сказка» превратилась в мортуарий «Лесная Быль». В дыму, огне и пепле мы нашли всего двоих выживших. Закопченный кофейник на кирпичах. Shame on you, english coffey, give me back english tea! И мальчик Рома 29-ти лет из Ивано-Франковска. Реально повар. В прошлой и, может быть, будущей жизни. Стоял теперь Рома на коленях, с руками за спиной, низко понунив свою картофельную голову. Николаич изучал его телефон. Педагогически качал укоризненно головой и вздыхал многозначительно.

– За эту, значит, картинку Ромка пятерик тебе в солнечном Кызыле. Какие там урановые рудники! М-м-м. Смакота! В твоём Ивано-Франковске днем с огнем.

– То не я. То жинка. – блял расстроено Ромка.

– Да ладно тебе. Жинка. Зато мир посмотришь. Це Азию. Упс! – Николаич строго и хмуро посмотрел на солдата Рому. – А вот за это, Рома, тебя даже наш самый гуманный суд в мире не помилует.

Николаич погулял большим пальцем по экрану дешевого смартфона и мы услышали дрянной голос переодетого мужика со звездой из фольги во лбу.

– Я иду такая вся в Дольче Габбана...

Ромка пригорюнился.

– А Верка Сердючка до чего?

– До чего? – передразнил Николаич. – Знал бы так вот прям здесь тебя к высшей мере социальной справедливости. Не разобрался еще, но чувствую именно здесь она точка. После которой вы из семейств славянских в семейство зонтичных стали превращаться. Прям вот злости на тебя не хватает.

Николаич опять же в педагогических целях поднял свой АК-12 дулом вверх и пульнул в потолок. А Ромка повар ничего. В истерике не забился и ножками не засучил от страха. Так исподлобья в Николаича очами сверкнул, что я порадовался. Был бы случай, завалил бы нас Ромка, не раздумывая. Наш человек. Все еще русский. Гниль бандеровская вокруг него, а не внутри. Пока.

– Шарон! – позвал Чума. – Слышь, Шарон. Ты сейчас умрешь. Кого я нашел!

Шарон это я. Мой позывной. У нас в группе разделение труда. Николаич неупокоенными врагами занимается, а Чума всеми остальными. Мы были на втором этаже. То ли бывшая столовая, то ли актовъй зал. Я пошел в самый дальний угол, обрывая по пути желто-голубые патриотические плакаты с мозаичных бирюзово-изумрудных стен. Родимых советских стен. Штырь стоял в полумраке. Обмахивался веером из разноцветных паспортов, военных билетов и других таких же «свидотцтв». Рядом лежали два трупа. Скрюченные руки. Раззявленные рты. Иссеченные осколками тела.

– Этот. – Чума шевельнул ногой. – Ариец из Шепетовки.

Скиба Василь Геннадьевич.

Китель у Скибы задрался почти до горла и на жирной молочной груди я увидел партайадлер. Хищный орел держал в когтях свастику.

– Ну и что? – сказал я. – Чего я здесь не видел.

– Это понятно. Ты на братишку его посмотри, Шарон. На своего братишку.

– Какого?... – успел сказать я, а потом как-то взял и обвалился вместе с собственным уютным внутренним мирком. Прямо в бездну, обгоняя друг друга, понеслись мои любимые книжки, вымоленные мысли и какая-никакая но вера.

– Это же пейсы. – услышал я сзади и сверху голос Чумы.

– Нет. – я в последний момент успел поймать свой резкий и справедливый крик.

– Нет. – повторил я спокойно и медленно.

– Да как же нет. – Чума прямо через меня полез показывать. – Подсмалило немного, а так очевидное-невероятное. Вот.

Чума напрягся и перевернул на бок тяжелое, конкретно для меня, вражье тело. Чума показал шеврон на плече. Фон как у полка «Азов», а вместо волчьего крюка звезда Давида. Над ней мелко и ясно. На иврите.

– Вот еще. – Чума протянул кусок прозрачного пластика. Водительские права. В лицо я не всматривался и читать не хотел. Чума одолжение сделал.

– Как тебя почти. Шарон Реми.

– Это не моя фамилия.

– Все равно прикольно. – Чума помолчал и добавил. – Странно, конечно. Они из ваших мыло делали.

– Они из всех делали.

– Это как бы да. – быстро согласился Чума. – Ладно. Это... Я шеврончик возьму? Такого чуда у меня еще не было.

– Я здесь причем. Бери, что хочешь.

Не сказать, что я раньше об этом не слышал. Про Днепровский кагал и его мутки с бандерой. Теперь увидел. Хорошо бы еще наша Ульяновская синагога увидела...

Засиживаться мы не стали. Обвешали солдата Ромку трофеями с ног до головы и отправились на базу. Но через несколько километров я не выдержал.

– Николаиц. – сказал я. – Вернуться мне надо.

Николаиц уже был в курсе.

– Зачем тебе это, Шарон? Не исправишь.

– Исправишь. – ответил я. – Покончить надо. Сжечь до конца. Иначе не выдержу.

Николаиц подумал и сказал.

– 60 минут у тебя.

Я вернулся в пансионат. Поднялся на второй этаж. Слышал птиц и едва уловимое журчание лесного и солнечного дня. Я оттащил тело Рами Шарона к мозаичной стене. Достал зажигалку. Обжегся высоким, гудящим пламенем и закурил. А потом начался он. Мой костер. В нем горели моя боль и моя ненависть. С последним аменом Кадиша, поми-

нальной молитвы, которую я прочел, они обратились в пепел, а Рами Шарона и его побратима я забросал битым кирпичом и кусками штукатурки. Николаич ничего не сказал, а Чума, конечно, всю дорогу любопытничал. Чего да как.

– Сжег. Спалил до тла. – наконец сказал я. И не соврал.

– Правильно. – сразу успокоился Чума. – Нечего жалеть.

Я промолчал, но про себя согласился. Нечего их жалеть. Ни свою злость. Ни свою ненависть. Так и только так мы победим эту войну.